

Васильева Клавдия Кирилловна

д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник

ФКУ НИИ ФСИН России

профессор

АОЧУ ВО «Московский финансово-

юридический университет МФЮА»

г. Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АРХЕТИП РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье предлагается «объяснительная» модель малоэффективному государственному управлению и регулированию социально-экономическим развитием регионов необъятной Российской Федерации. Проводится мысль об имманентном российской ментальности пространственном архетипе как факторе, содержащем поступательное развитие регионов страны.

Ключевые слова: территориальный фактор, российская государственность, пространственный архетип, физическая реальность, ментальная реальность.

Современная озабоченность отечественной научной мысли формированием стратегии российской государственности, и связанной с нею проблемы становления и эффективного функционирования государственной службы как социального института, порождена причинами онтологического и когнитивного свойства. Выработка стратегии государственности предполагает в качестве цели достижение конкретным социальным организмом устойчивого сбалансированного состояния на некоторый момент времени. Всякое государственное образование, как правило, предзадано всем историческим развитием, предшествовавшим данному состоянию, в ходе которого эволюционируя, институализируются конкретные формы его организации, нормы, правила общественной жизни и сформировывается определенная государственная территориальная целостность.

На последнюю составляющую государства, а именно, на территориальный фактор, мы хотели бы обратить наше внимание. Под онтологическим основанием государственности России мы подразумеваем, прежде всего, физическую протяженность её территории.

Вероятно, в идеале мера физической протяженности территориальной организации государства должна определять в рамках уже сложившейся государственной системы, конкретные формы органов власти этой системы, объем их полномочий и прерогативы. Это тем более важно, что местные органы государственной власти не просто осуществляют государственную политику в её «чистом виде», но фактически оказывают воздействие почти на всю совокупность жизнедеятельности своей отдельно взятой административно-государственной единицы (республика, область, город и т. д.).

Как нам представляется, при прочих равных условиях доля самостоятельности местных органов власти должна находиться в прямопропорциональной зависимости от размеров физической протяженности государственного образования. И не нужно обладать особой проницательностью, чтобы заметить, что в основе деления государства на административно-управленческие единицы лежит, прежде всего, территориальный принцип наряду с этнонациональным принципом. Как известно, в зависимости от механизма обретения власти субъектом, от способов и форм организации национальностей в рамках единого государства выделяются такие формы государственного устройства как унитарное и федеративное (конфедеративное). Безусловно, стратегия разработки и практика эффективного осуществления федеративной государственности, к каковым относится многонациональное государство Российской, с необходимостью предполагает всесторонний анализ субъектов государства, представленных и национальными общностями. Однако здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Процессу образования этносов исторически была присуща, имманентна, территориальная определенность. Исходя из вышеозначенного, мы абстрагируемся от этнонациональной компоненты и, в соответствие с нашим дискурсом ограничимся рассмотрением территориального фактора.

В нашем дискурсе физическая территориальная протяженность предстает в двух аспектах: 1) как физическая (объективная) реальность; 2) реальность ментальная (когнитивная), как отражение физической реальности. Последняя, в свою очередь, рассматривается нами как явление: а) историческое, б) актуальное, способное к мыслепорождению и объективации мыслей в практике становления, функционирования российской государственности.

К числу важных менталеобразующих факторов относится окружающая человека, природная среда. Обширность физического пространства, его физическая протяженность, наличие огромных просторов необжитой территории, низкая плотность населения порождают адекватную данной природно-географической среде, ментальность, представленную во множестве форм духовной культуры. Мы могли бы проиллюстрировать это на большом числе материалов из области так называемых мифологем русской (и не только русской) культуры. Однако мы ограничиваемся приведением важной характерологической черты российской ментальности, а именно отождествлением ею хтонического (подземного) мира с неведомой пространственной далью. В этой черте мы усматриваем особенность пространственного архетипа русской ментальности. Земли отдаленные, края «неведомые» всегда окрашивались во многих культурах в мрачные краски; представлялись источниками потенциальной опасности и беды. Надо заметить, что в историческом плане это аксиологически неблагостное отношение к отдаленным краям собственного государства постоянно воспроизводилось и продолжает сохраняться и в современной российской ментальности. Во времена русских первопроходцев и в последующие века отдаленные восточные регионы, к примеру, Сибирь, представлялись землями дикости и варварства; позже – краем язычников; затем – местом ссылки и каторги. И сегодня эти края представляются как края суровые, медвежьи. В лучшем случае имеют место оценки иждивенчески-потребительские, в которых эти края представлены как неисчерпаемые источники природных ресурсов. Такое отношение к отдаленным от центра, землям собственного Отечества, есть проявление пространственного архетипа. Проявляется он как не вполне осознанное чувство «боязни» преодоления

пространства, длинной дороги, которая предстает как препятствие, таящее возможную угрозу опасности.

Для того, чтобы эффективно управлять, нужно знать объект управления. Чтобы знать – необходимо познать. Как известно, исходную структуру всякого познания представляет субъект – объектное отношение, универсальной целью которого является истина. Здесь решается вопрос адекватного постижения субъектом существенных характеристик объекта. Государственный чиновник в качестве субъекта, лишенный непосредственного вещно-предметного взаимодействия с объектом познания, а в нашем случае – отдаленного от центра региона Российской Федерации, соответственно лишен знания об этом регионе. Как известно, непосредственное изучение предмета своей деятельности – это требование обыденной практики управления любого уровня. В континууме когнитивного пространства «центр – отдаленные восточные районы», содержание ментальной реальности государственного чиновника из Центра о физической реальности представлено, можно сказать, в «чистом виде», т. е. в идеальном.

Формирование ментальной реальности с уже присущим ей пространственным архетипом и без опоры на опыт, на эмпирические знания о физической реальности, порождает иллюзию знания. Подобное «знание» не выдерживает проверку на верифицируемость и, соответственно, на уровне теоретическом (абстрактном) оно беспредметно. В результате, за вычетом из ментальной реальности несуществующего истинного знания об объекте, остается только его величество пространственный архетип!

В реальной жизненной практике, когда встречаются ментальная реальность столичного государственного чиновника, теперь уже на уровне ощущений и восприятий, с объективной физической реальностью необъятной России, то носитель этой ментальности, по меньшей мере, испытывает растерянность, но чаще – потрясение. И у него тотчас появляется щемящее душу желание, скорее назад – в Москву. Карету мне, карету!

Ах, как устойчив и могуч этот пространственный архетип!

Вот и складывается парадоксальное с позиции нацеленности на эффективное государственно-административное управление, положение. Положение, когда ментальная реальность о реальности физической не тождественна последней. Более того, они не имеют пунктов пересечения, не имеют зон перекрытия. Каждая существует в отдельности, автономно, как самодостаточная сущность. Так возникают экономические и социальные ножницы и зазоры в пространстве физического континуума «центр – восточные регионы».

И, как конечный результат всего этого – низкая эффективность социально-экономического развития страны. Словом, столь невелик результат столь великого государства Российского.

Список литературы

1. Васильева К.К. Менталитет: онто-этнологическое измерение (на примере бурятского этноса). – М.: Русский мир, 2002. – 200 с.
2. Васильева К.К. Онтологические основания мифологем русской культуры // Человек в современных философских концепциях: Материалы IV Международной конференции. Т. 2. – Волгоград, 2007. – С. 617–621.